

Глава XXIV. Да здравствует Масиá! Долой Камбо!

Всё началось в мгновение ока, приблизительно в 13:00 14 апреля 1931 года, с трёхцветными флагами на улицах. Всё было неожиданно, искренне, полно энтузиазма. Необычайно быстро пошились флаги из кусочков тканей на самих же текстильных фабриках.

«На Барселону!» — кричали на фабриках. Один за одним останавливались ткацкие станки, другое оборудование, прекращались ремонтные работы, закрывались магазины, торговые точки, бары...

С остановкой заводов и рабочими на улицах всё преобразилось: установилась праздничная атмосфера, полная весёлой и заразной суматохи, которая не одному старому рабочему напоминала июльские дни 1909 или 1917 годов — конечно, без агрессии и баррикад.

Даже дети, путавшиеся под ногами рабочих демонстрантов, кричали вместе со старшими: «Да здравствует Республика! Да здравствует Масиá! Долой Камбó!»

С другой стороны, день был похож на женский праздник. Женщины, взволнованные и страстные, выделялись во всех скоплениях народа; сначала собирались вместе рабочие одной фабрики, а затем к ним присоединялись служащие лавок, оставлявшие свою торговлю, официанты, дезертирующие из баров... Именно так растёт снежный ком, подталкиваемый руками. Из рабочих кварталов Сант-Марти, Побле Ноу, Сант-Андреу, Грасия, Орта, Сантс, Санта-Еулалиа и близлежащих к Барселоне — Бадалона и Ла Лорасса — народ направлялся к центру каталонской столицы, чтобы потом сойтись на Площади Каталонии или Площади Правительства и вновь и вновь кричать «Виват!» Республике и Масиá, и «Долой!» — королю и Камбó.

Отдавая должное правде, совсем немногие манифестанты знали о событиях, имевших место в то время в Мадриде, и даже не представляли себе, что на самом деле происходило в Барселоне. В 13:35 Луис Компанис вошёл в Городской совет, чтобы поднять на балконе флаг. В 13:47 знамя Республики уже развевалось на ветру. Рабочие, покинувшие в 13:00 свои места на фабриках, в 14:00 заполняют Площадь правительства и прилегающие улицы.

Луис Компанис водрузил республиканский флаг в 13 часов и 42 минуты, в то время как народ провозгласил Республику в 13:00 ровно. Как видно из этого, политика всегда запрыгивает на уже набравший ход поезд... Давайте посмотрим, что же происходило в Барселоне за несколько часов до этих событий:

Люди из НКТ вышли на улицы. В частности, в Барселоне именно они взяли инициативу в свои руки. Тюрьмы, Гражданское правительство, здание Военного губернатора, Городской совет, Дворец правосудия и буквально всё было сметено членами НКТ. В Гражданском правительстве ранее устроился со всеми удобствами беспринципный политикан — старший помощник Алехандро Лерруса по имени Эмилиано Иглесиас. «НКТ заставила его покинуть кабинет и усадила на его место Луиса Компаниса. В Городской совет вошёл Хауме Айгуадер. В Военное губернаторство — генерал Лопес Очоа. НКТ присутствовала на всех значимых государственных пунктах. Везде она занималась расчисткой дорог от тех, которых едва принимали в расчёт в каком-либо другом месте»²⁶⁵.

Эйбар была первой испанской местностью, провозгласившей Республику. Это случилось в семь утра 14 апреля. За ней последовали другие: Валенсия, Севилья, Овьедо, Хихон, Сарагоса и Уэска, затем Барселона. В Мадриде рабочие тоже вышли на улицы. Республиканские знамёна развевались в толпах людей. Но никто не говорил об официальных новостях. На двух политических полюсах выжидали результатов развития событий; другими словами, то были дом Мигеля Мауры и Восточный (королевский) дворец. Между одним и другим центром установились нити коммуникаций, неся в два конца срочные сообщения: дезертирства из второго пункта и присоединения к первому. Первым, кто определил свою позицию, был генерал Санхурхо — командующий Гражданской гвардией. Он предоставил себя в распоряжение того политика, кто через несколько часов будет назначен министром внутренних дел, — Мигеля Мауры. Переход Санхурхо в лагерь республиканцев прояснял все инкогнито: монарх собирал чемоданы.

Начиная с девяти утра граф Романонес не переставал ломать голову: каким образом осуществить передачу власти? Посоветовавшись с королём, было решено, что церемония состоится у доктора Мараньона. Там, на нейтральной территории, граф де Романонес вручит своему помощнику Нисето Алькале Саморе манифест отречения Альфонсо XIII. После присоединения Гражданской гвардии к Республике и согласно имевшимся данным Временное правительство приняло решение собраться в полном составе. Все будущие правители находились у Мигеля Мауры, за исключением министра обороны Мануэля Асаньи. Лишь ему одному удалось спастись от тюремного заключения в Модело. Говоря символически, его дело слушалось в суде в отсутствие ответчика. С момента полицейской облавы, после которой Асанья скрылся «в одном мадридском доме», никто из его коллег не имел ни малейшего представления о местонахождении будущего министра обороны. Но уже 14 апреля во второй половине дня найти министра представлялось очень срочной задачей, с тем чтобы правительство смогло провести полноценное совещание. Обнаружить Асанью было поручено Мигелю Мауре. «Найти его было нелегко, потому что родственники ревниво охраняли секрет его местопребывания. Наконец мне передали адрес деверя — Сиприано Риваса Шерифа. Я отправился на поиски. После целого ряда формальностей, назвав своё имя, я был вынужден ждать довольно долго; затем меня отвели в комнату, расположенную в самом конце дома. Там, бледный как мрамор, без тени сомнения, просидевший в этих стенах более четырёх месяцев, находился Мануэль Асанья. Я объяснил цель моего визита и потребовал, не теряя времени, следовать за мной. Он категорически отказался, аргументируя тем, что, хотя нас осудили и практически оправдали, но вследствие его не появления в суде, любой страж порядка мог арестовать его и засадить в тюрьму. Я не мог прийти в себя от удивления! Рассказал ему об атмосфере народной эйфории, визите и

предложении Санхурхо; всё это могло ободрить самую трусливую душу; однако его решение оставаться в подполье не изменилось. Я уже собирался уходить и оставить Асанью в четырёх стенах, когда появился его деверь Ривас Шериф, возвратившийся с улицы в возбуждённом состоянии и полный энтузиазма, как и все сторонники республики в те моменты. Он дословно подтвердил мой рассказ, и наконец Асанья нехотя решился ехать со мной.

По дороге в автомобиле до моего дома он что-то бормотал себе под нос и был в скверном расположении духа. Затем мы зашли в библиотеку, он поздоровался с каждым из собравшихся, и тогда я с удивлением понял, что он не видел ни одного из них с 13 декабря, то есть в течение четырёх месяцев. Никто не поддерживал с ним отношения и даже не знал, где он находился всё это время. Таким образом, я сейчас подтвердил для себя факт, о котором подозревал ранее: Асанья — человек необычайного ума и благородных качеств характера — был физически болен: его снедал неодолимый страх (...). Страх был сильнее его, и он делал всё возможное и невозможное, чтобы скрыть это»²⁶⁶. Вот таким был человек, который должен был управлять министерством обороны в составе правительства Второй республики.

В 14:00 в доме доктора Мараньона состоялось интервью между графом Романонесом и Нисето Алькалой Саморой: Алькала Самора: «У нас нет другого выхода, кроме немедленного отречения короля от трона (...). Необходимо, чтобы сегодня вечером, ещё до заката солнца, он срочно выехал...» Алькала Самора прибёг к наивысшему аргументу:

«Незадолго до прибытия на данное совещание мы получили известие о присоединении к республиканцам генерала Санхурхо, начальника Гражданской гвардии. Услышав это, я изменился в лице. Я больше ничего не сказал. Бой был проигран окончательно»²⁶⁷.

Граф де Романонес провёл два часа консультаций и в пять часов пополудни переговорил с королём, который подписал обращение к народу, отредактированное герцогом де Маурой:

“ «(...) Я не отрекаюсь ни от одного из моих прав, потому что они не мои, а наследие самой Истории, и придёт час отдать строгий отчёт относительно охраны этих прав. Я надеюсь узнать подлинное и адекватное выражение коллективного сознания, и пока нация ведёт разговор, я по доброй воле прекращаю моё царствование и отдаляюсь от Испании, признавая её таким образом, как истинную повелительницу своей судьбы»²⁶⁸.

С пяти часов второй половины дня до 20:30 наблюдалась самое настоящее отсутствие Власти. Мигель Маура нервничал ввиду такой пустоты и убедил своих коллег, что они в случае передачи или не передачи власти должны были занять министерство внутренних дел и запустить машину нового Республиканского правительства, задуманного Мигелем Маурой как “матрас”, сфабрикованный в результате Сан-Себастьянского пакта, предмет для спасения многих, очень многих вещей, в событиях 14 апреля...»²⁶⁹.